

Разработка Северного морского пути в трудах М.В. Ломоносова

В.В. Фомин, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой отечественной истории
Липецкого государственного педагогического университета

Показана деятельность М.В. Ломоносова по обоснованию возможности «мореплавания на Восток по Сибирскому океану», т.е. маршрутом, получившим в наше время название Северного морского пути. Характеризуется вклад великого ученого в изучение необходимых для ледового плавания природных закономерностей Северного Ледовитого океана, включая направления течений, основы формирования и движение ледяных полей и др., а также его деятельность по организации в России морской экспедиции на Камчатку.

Интерес М.В. Ломоносова к проблеме изучения полярных морей, освоения северных и самых восточных территорий России, что должно было привести к развитию ее экономики, превращению страны в великую морскую державу и усилению ее военной мощи, проявился довольно рано. В чем, несомненно, огромную роль сыграли, с одной стороны, его детские и юношеские впечатления о природе, климате, явлениях и богатствах русского Севера, на котором он возрастал до 19 лет, с другой – Первая и Вторая Камчатские экспедиции, возглавляемые капитаном-командором В.И. Берингом и обследовавшие в 1725-1730 и 1733-1743 гг. северо-восточные берега Сибири и часть Северной Америки (тогда как, заостряет внимание А.В. Ефимов, со стороны «Америки ее северо-западная оконечность вовсе не была обследована до последних десятилетий XVIII в. В 20–30-х годах XVIII в. северо-западной части континента Северной Америки не достигал еще никто из европейцев. Никто из мореплавателей не побывал севернее побережья Орегона»¹).

Именно под влиянием широкомасштабных Камчатских экспедиций Ломоносов создает замечательный образ российских мореходов, будораживший умы многих поколений наших мореплавателей и направлявший их на невероятные подвиги, – «Колумба российского», который «через воды спешит в неведомые народы». Этот образ впервые появился в «Оде на день восшествия на всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года». Через пять лет в другой оде по тому же случаю им уже прямо говорится, что свидетельствует о его постоянных размышлениях на этот предмет, в каких морях конкретно ему бы хотелось видеть «Колумба Российского»: «Напрасно строга природа / От нас скрывает место входа / С берегов вечерних на восток. / Я вижу умными очами²: / Колумб Российский между льдами / Спешит и презирует рок». С еще большей силой и уже во множественном числе этот образ Ломоносов повторит в «Слове похвальном блаженныя памяти государю императору Петру Великому» 1755 г.: «Там новые

Колумбы к неведомым берегам спешают для приращения могущества и славы Российской...»³.

Желание Ломоносова всемерно способствовать приращению могущества и славы России посредством ее твердого становления на Тихом океане, чему должен был содействовать Северный морской путь, особенно усилилось в связи с полемикой по поводу приоритета русских открытий 1720–1740-х гг. В 1752–1753 гг. вышли работы французских географов Ж.Н. Делиля «Explication de la carte des nouvelles découvertes au nord de la Mer de Sud. Paris, 1752» (Объяснение карты новых открытий в северной части Южного [Тихого] океана), с приложением карты «Carte generale des découvertes de l'Amiral de Fonte, d'autres navigateurs Espagnoles, Anglois et Russes pour la recherche du passage à la Mer de Sud» (Генеральная карта открытий адмирала де Фонта и других испанских, английских и русских мореплавателей, искавших прохода в Южный океан), и Ф. Бюаша «Considérations géographiques et physiques sur les nouvelles découvertes au nord de la Grande Mer appelée vulgairement la Mer de Sud. Paris, 1753» (Географические и физические замечания о новых открытиях в северной части Великого океана, в просторечии называемого Южным)⁴.

В своих сочинениях французские авторы серьезно исказили историю открытий экспедиций Беринга (Делиль, настаивая на том, что именно он был инициатором Второй Камчатской экспедиции, реальную картину изучения Тихого океана, в том числе русскими мореплавателями, заслонил мифической фигурой испанского вице-адмирала Бартоломео де Фонте (Делафонте), которому в XVIII в. приписывали поиск в 1640 г. Северо-Западного прохода между Атлантическим и Тихим океанами и открытия в ходе никогда не бывавшей экспедиции несуществующих архипелагов и морей. Бюаш также опубликовал карту «открытий» де Фонте, причем еще более фантастичную, констатирует Ефимов, чем та, которую издал Делиль⁵). На такой факт фальсификации, направленный против России и ее явных приоритетов и интересов, внимание президента Петербургской Академии наук К.Г. Разумовского правомерно обратил чрезвычайный посол России в Вене граф Г.К. Кайзерлинг.

После чего Разумовский поручил Г.Ф. Миллеру опровергнуть домыслы Делиля (вполне возможно, давая ему тем самым шанс окончательно себя реабилитировать после вскрытия в 1748 г. его отношений с уже покинувшим Россию Делилем, которого на полном на то основании давно подозревали в шпионаже в пользу Франции и тайной пересылке на родину богатой коллекции «ценнейших в стратегическом отношении русских карт»: побережий Финского залива, Балтийского, Черного, Белого, Каспийского морей, планы морских портов и крепостей, в том числе Петербурга, Кронштадта, Шлиссельбурга, Нарвы, Ревеля, Риги, Архангельска, Астрахани и др., карты границ России с Польшей, Швецией, Турцией, Китаем и т.п., а также секретной карты географических открытий Второй Камчатской экспедиции⁶).

Опровержение с приведением многочисленных фактических и картографических ошибок Делиля было написано и анонимно напечатано при посредстве почетного члена Петербургской Академии наук выдающегося математика Л. Эйлера на французском языке в Берлине в 1753 г. под названием «Письмо российского морского офицера к некоторой знатной персоне о карте представляющей новейшие обискания в северных странах Южного моря. И о изъяснении на оную карту, изданную господином Делилем в Париже в 1752 году»⁷. Дополнительно Миллер в 1754 г. составил специальную карту русских открытий у берегов Северной Америки (Nouvelle carte des découvertes, faites par les vaisseaux russiens aux cotes inconnues de l'Amérique Septentrionale avec des païs adjacents), изданную Академией в 1758 г. («Карта, представляющая изобретения российскими мореплавателями на северной части Америки с около лежащими местами в разные путешествия учиненные»⁸).

Тогда же Ломоносов вплотную приступает к решению вопроса прохода в Тихий океан по Северному морскому пути. И, чтобы профессионально владеть проблемой, с которой теснейшим образом связана судьба России, и быть в курсе всех ее нюансов, в том числе исторического, начинает сбор соответствующего материала. В чем важную службу ему сослужило многотомное издание «Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und Lande oder Sammlung

aller Reisebeschreibungen» (Всеобщая история морских и сухопутных путешествий или собрание всех описаний путешествий), выходявшее в Лейпциге и являвшееся переводом труда Английского общества ученых (в 1748–1774 гг. вышел 21 том). Так, 12 и 13 тома были куплены им в мае и сентябре 1754 г.⁹

Параллельно с тем он ведет большую практическую работу по обоснованию возможности прохода по Северному морскому пути и обеспечению его безопасности. Об этом можно судить по отчету по физике за 1754 г., где отмечено: «(1) изобретены некоторые способы к сысканию долготы и ширины на море при мрачном небе... 2) деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может; при том были разные химические растворы морожены для сравнения»¹⁰. Вполне возможно, что в том же направлении шли исследования Ломоносова за 1752 и 1753 гг., сведения о которых не отысканы: «зимою повторял опыты о разном протяжении воздуха по градусам термометра» и вместе с Г.В. Рихманом изучал градус теплоты, «который на себя вода принимает от погашенных в ней минералов, прежде раскаленных»¹¹.

А насколько скоро двигалась вся эта работа говорит репорт 1756 г., поданный в октябре-ноябре президенту Академии наук с отчетом о работах за 1751–1756 гг., в котором Ломоносов указал под 1755 г., что «сочинил письмо о Северном ходу в Остындию Сибирским океаном», т.е. Северным Ледовитым океаном¹². «Письмо о Северном ходу» не найдено, но было, по предположению исследователей, использовано автором для третьей главы написанного примерно в 1762–1763 гг. «Краткого описания разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», имеющей весьма сходное с ним название – «О возможности мореплавания Сибирским океаном в Ост-Индию, признаваемые по натуральным обстоятельствам»¹³.

Интерес Ломоносова к «Северному ходу» не мог, разумеется, иссякнуть с этим письмом. 13 мая 1756 г. он продемонстрировал в Академическом собрании изобретенную им «ночезрительную трубу», предназначенную извлекать «вещи из темноты, чтобы можно было заметить их ночью или хотя бы в густые сумерки». На основе этой «ночезрительной трубы» ученый затем создаст ночной полемоскоп (перископ), которым будет снабжена экспедиция, в 1765 г. отправившаяся на поиск «Северного хода»¹⁴. В августе 1756 г. Ломоносов приобрел 14 том «Всеобщей истории морских и сухопутных путешествий»¹⁵. В отчете за этот же год академик констатировал, что

«сверх сего в разные годы зачаты делать диссертации: 1) о лучшем и ученом мореплавании» (положенной, вероятно, в основу третьей части «О ученом мореплавании», т.е. жиждившемся на данных науки, отсюда и максимально безопасным, «Рассуждения о большей точности морского пути» 1759 г.), «2) о твердом термометре» (в этой найденной работе Ломоносов касался, как полагают, устройства металлического термометра, предназначенного, по его же «Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова», приложенной к письму М.И. Воронцову 19 января 1764 г., «для исследования самых сильных морозов в Сибири, в местах, зимою не проходимых»), а также «5» о градусах теплоты и стужи, как их определять основательно, со мнением о умеренности растворения воздуха на планетах». При этом им было подчеркнуто, что «к совершению привести отчасти препятствуют другие дела, отчасти протяжным печатанием «Комментариев» («Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae». – В.Ф.) охота отнимается»¹⁶.

В июле 1757 г. Ломоносов купил 15 том «Всеобщей истории морских и сухопутных путешествий»¹⁷. В том же году он трудился над «циркумплярной картой» (карта Северного Ледовитого океана с прилегающими к нему землями в виде круга), которая в январе 1758 г. была «отделана» в географическом департаменте адъютантом И.Ф.Трускоттом. Она до нас не дошла, но, несомненно, была использована Ломоносовым для карты 1763 г., о которой речь ниже. В июне 1758 г. его собрание «Всеобщей истории морских и сухопутных путешествий» пополнилось 16 томом¹⁸.

8 мая 1759 г. Ломоносов читал в публичном собрании Академии наук «Рассуждение о большей точности морского пути», донося до слушателей мысль, что «с того времени, как от португальцев и испанцев бедственным рачением не испытанный прежде океан отперт и наконец прочим европейским народам отворился, несказанно коль великие возросли в корабельных пристанищах имения, откуда, везде разливаясь, умножили подданным прибитки, государям сокровища и могущество». В этом «Рассуждении» он предложил «новые свои изобретения до мореплавательной науки и принадлежащие к делу сему машины», например, «самопишущий компас» (курсоуказатель), «дрометр» (донный механический лаг вертушечного типа, монтируемый в днище судна), «клизометр» (прибор для определения сноса корабля под действием ветра с самопишущим механизмом), «салометр» (прибор для определения направления и скорости течения). С некоторыми изобретениями Ломоносов знакомил коллег задолго до 8 мая. Так, на заседании

Академического собрания 14 декабря 1758 г. он продемонстрировал «вымышленную им машину, которая вместо морского барометра служить должна...», а 2 апреля следующего года в том же собрании «прочитал выдержки из своей речи, предназначенной для ближайшего публичного Академического собрания, и разъяснил бывшим при том членам, в чем заключаются предложенные им новые изобретения и инструменты... Присутствующие одобрили эти изобретения и инструменты, поскольку они могли понять их из устного объяснения»¹⁹.

В октябре 1759 г. Ломоносов купил 17 том «Всеобщей истории морских и сухопутных путешествий»²⁰. А этот том, вышедший в 1759 г., содержит главу «Reisen gegen Nordwest und Nordost zur Entdeckung einer Fahrt nach Ostindien» (Путешествия на северо-запад и северо-восток для открытия прохода в Восточную Индию), к которой приложены карты различных частей суши, омываемой Северным Ледовитым океаном, в том числе Новой Земли, Шпицбергена, а также сводная меркаторская карта северных частей земного шара между Азией и Америкой. В мае-июле 1760 г. Ломоносов написал «Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях»²¹, результаты которого он затем дополнил в «Кратком описании». Это «Рассуждение», опубликованное в 1763 г. в «Записках королевской Шведской академии наук» (Ломоносов прислал его в качестве «членской работы», т.к. единогласно был избран в состав академии в апреле 1760 г.), а в 1766 г. – на немецком языке, дало западноевропейским приверженцам идеи о возможности Северного морского пути дополнительные аргументы.

Так, в вышедшей в 1777 г. в Базеле на немецком языке книге «Na-richten und Anmerkungen über die Lage der nördlichen Gegenden von Asia und America, und dem Versuch eines Wegs durch die Nordsee nach Indien. 2-ter Theil» (Известия и замечания о местоположении северных частей Азии и Америки и о поиске пути через Северный океан в Индию. Ч. 2) швейцарский географ С. Энгель с нескрываемым восторгом подчеркивал: «Какое удовольствие для меня, какое изумление, что мне стало известно это произведение, которое я еще не видел при подготовке дополнений к немецкому изданию! Я нашел здесь мои мысли полностью выраженными и убедительно доказанными не только ученым мужем, но человеком, жившим на Севере, у которого было достаточно возможностей и рвения, чтобы узнать все обстоятельства точнейшим образом, и, так как невозможно сомневаться в истинности тех фактов, которые он приводит, следующие из этого вывода несокрушимы»²².

В том же 1760 г. Ломоносов в замечаниях на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера отметил под пунктом 12, что «в американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей. И для того послать к сочинителю карту оных мореплаваний», т.е. «Карту, представляющую изобретения российскими мореплавателями на северной части Америки с около лежащими местами в разные путешествия учиненные», составленную Г.Ф. Миллером (капитан А.И.Чириков – участник Первой и Второй Камчатских экспедиций, исследовал часть северо-западного побережья Северной Америки, Алеутские острова и значительную часть северо-восточного берега Сибири. Как подчеркивает А.В. Ефимов, Чириков «еще до первой экспедиции правильно определил местонахождение Америки и указал кратчайший путь к ней», «достиг Америки на 1–1½ суток раньше, чем Беринг...», принял «фактическое руководство экспедицией после трагической смерти Беринга» и довел «до конца ее научное задание, руководя составлением замечательной карты морского похода обеих групп американской экспедиции...», которая «является первой в мире, где Северная Америка показана на основании конкретных данных не как «Большая земля» или «Большой остров», а именно как Северная Америка»²³.

В перечне географических вопросов по исправлению «Российского атласа», утвержденном Сенатом в январе 1760 г. (был напечатан в количестве 600 экземпляров и разослан во все губернские и провинциальные канцелярии), Ломоносов поместил пункт, связанный с его теоретическими разработками Северного морского пути: «От северных сибирских городов и зимовий присылать известия об островах на Ледовитом море, которые ведомы тамошним жителям или промышленным людям, коль велики, коль далече от матерой земли, и каких зверей на них ловят, также как и оные острова называются»²⁴. В первой песне поэмы «Петр Великий», вышедшей отдельным изданием в декабре 1760 г., он устами своего героя четко изложил как важнейшую государственную программу идею, которую вынашивал и оттачивал уже несколько лет: «Какая похвала Российскому народу / Судьбой дана – протти покрыту льдами воду. /.../ Колумбы Россские, презрев угрюмый рок, / Меж льдами новый путь отворят на восток, / И наша досягнет в Америку держава»²⁵.

В апреле 1762 г. Ломоносов купил вышеупомянутый труд Ф.Бюаша и сочинение французского путешественника Р.Утье «Journal d'un voyage au Nord

en 1736 et 1737. Amsterdam, 1746» (Журнал путешествия на север в 1736–1737 гг. Амстердам, 1746)²⁶. Тогда же работа над основным трудом по географии полярных морей и обоснованию преимуществ «северного хода в Остындию Сибирским океаном» перед «южным ходом около мыса Добрыя Надежды» вступила в завершающую фазу. В «Химических и оптических записках», представляющих собой рабочий журнал за март 1762 – май 1763 гг., академик отметил в качестве ближайшей задачи «на нашем языке припечатать и о плавании Сибирским океаном и о славных мореплавателях», т.е. опубликовать «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»²⁷.

В «Посвящении» великому князю Павлу Петровичу, предваряющем «Краткое описание», Ломоносов особо отмечает, что Петр I «между прочими своими преимущественными делами и подвигами первым почтал упражнением сооружение флотов российских. Его неутомимую руку выведены корабли военные на Белое, Азовское, Варяжское [Балтийское] и Каспийское море и показана морская российская сила всем окрестным державам в краткое время громкими победами». Поэтому, обращается он к наследнику престола, дела его «великого прадеда» требуют «благополучного продолжения и приращения»: «Могущество и обширность морей, Российскую империю окружающих, требуют такого рачения и знания. Между прочими Северный океан есть пространное поле, где под вашего императорского высочества правлением усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку».

В предисловии к своему «посильному труду, от усердия к пользе отечества происшедшему», Ломоносов излагает соображения в пользу необходимости отыскания «северного ходу Сибирским океаном, особливо же, видя пример Великия Британии, которая главное свое внимание простирает к западно-северному ходу Гудзонским заливом...». А о возможности «морского северного хода» приводит в первых двух главах «довольные доказательства», которые открывает обзором истории поисков прохода «западно-северными морями» (т.е. вдоль Северной Америки) и «Сибирским океаном». Подробно рассказывая о результатах западноевропейских экспедиций XVI–XVIII вв. (С.Кабота, В.Баренца, Я.Гемскерка, Я.Рейпа, М.Фробишера, Д.Девиса, Г.Гудзона, Т.Баттона, Р.Байлота, У.Баффина, Й.Мунка, Т.Джемса, К.Мидлтона, У.Мура), направля-

емых Великобританией, Голландией, Данией на поиск Северо-Восточного и Северо-Западного проходов из Атлантического океана в Тихий, Ломоносов отмечает, что, «хотя ж голландцы от таковых несчастливых предприятий весьма лишились надежды и больше к восточно-северной стороне (т.е. к северо-востоку. – В.Ф.) намерений своих не простирали, однако из того не следует, чтобы их походами всему рачению и мужеству человеческому был предел положен. Явствует противное из неутомимых трудов нашего народа», что «россияне далече в оный край на промыслы ходили уже действительно близ двухсот лет...» (в этом случае опираясь на данные «Описания морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных» Миллера, вышедшего в 1758 г. на русском и немецком языках и вобравшего в себя широкий круг источников).

Затем он заостряет внимание на экспедиции Ф.А.Попова и С.И.Дежнева, в 1648 г. совершивших плавание из Колымы в Анадырский залив, впервые пройдя пролив, разделяющий Азию и Северную Америку и в XVIII в. названный в честь В.И.Беринга. Тем самым, ставил точку Ломоносов, «сею поездкою несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий, к чему наше главное намерение здесь простирается». При этом академик справедливо подытоживал, что неудачи в поисках этого прохода «произошли: 1) от неясного понятия предприемлемого дела, что не имели не токмо наши, но и агличане и голландцы довольно знания природы, ниже ясного воображения подлежащей дороги; 2) что приуготовления были беспорядочны, следовательно, и сами предприятия неудачны и бедственны; 3) особливо же представим о наших прежних предприятиях, что промышленники ходили порознь, одинакие, не думали про многолюдные компании, без которых всякие предприятия слабы». Признав путь вдоль побережья Евразии («Сибирским океаном») вполне осуществимым, Ломоносов в третьей главе обосновывает это «натуральными обстоятельствами».

В четвертой же главе останавливается на детальном рассмотрении всего того, без чего невозможен благополучный исход высокоширотной экспедиции – а это «1) суда, 2) люди, 3) запас, 4) инструменты» (последние, а также карты он обещается подготовить при положительном ответе на его предложение). В пятой главе академик дает практические советы для успешного завершения экспедиции. Вместе с тем говоря, заглядывая намного дальше этого важного события и охватывая проблему освоения Сибири и Дальнего Востока целиком, что с открытием желаемого пути

«по Северному океану на восток... свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана», и что «бесспорно пойдут многие охотники, ежели им обещаны будут отменные привилегия и вольности, а особливо в купечестве между собою и с соседними народами. Кроме сих, по примеру Франции, ежегодно отправлять туда людей обоюбого пола, которые здесь в России напрасно шатаются или за преступления сосланы быть должны». И свой замечательный труд Ломоносов венчает пророческими словами, что «российское могущество прирастать будет Сибирию и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»²⁸.

16 октября 1763 г. Ломоносов отметил, что «Краткое описание» было поднесено «его императорскому высочеству» (это событие П.П.Пекарский относит к 20 сентября 1763 г., т.е. ко времени подписи Ломоносовым «Посвящения»)²⁹. Адресация и вручение «Краткого описания» девятилетнему наследнику престола Павлу Петровичу объясняется тем, что он имел высший морской чин генерал-адмирала российских флотов и являлся, таким образом, президентом Адмиралтейской коллегии, в ведении которой находились все морские дела империи. При поддержке руководящего члена этой коллегии И.Г. Чернышева, а по сути, ее главы, 22 декабря 1763 г. проект Ломоносова поступил в Комиссию российских флотов, официально открытую 17 ноября 1763 г. и имевшую своей задачей оживление деятельности флота и приведение его «к обороне государства в настоящий постоянный добрый порядок».

Проект поступил в Комиссию вместе с письмом, подписанным великим князем, в котором ей предписывалось обсудить, при участии Ломоносова, возможность организации предлагаемой им экспедиции для поиска Северного морского пути. Причем Павел подчеркивал, что, «если по внимательном рассуждении не сыщется в сем деле невозможностей, то, положив как приступить к оному, меня о том уведомить: тогда можем поднести доклад ея императорскому величеству на высочайшую апробацию»³⁰. Насколько серьезно Комиссия отнеслась к порученному ей делу, взятому под контроль царской фамилией, видно из письма Ломоносова к М.И. Воронцову 19 января 1764 г., в котором он сообщал, что «е. в. цесаревичу поднесена от меня письменная книга

М.В. Ломоносов

о возможности мореплавания Ледовитым нашим Сибирским океаном в Японию, Америку и Ост-Индию, почему и велено в Адмиралтейской комиссии учинить расположение с рассмотрением, и не сомневаюсь, что экспедиция туда воспоследует»³¹.

К рукописи «Краткого описания», хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, приложена цветная циркумполярная карта, составленная в 1763 г. и впервые напечатанная известным географом Ю.М. Шокальским в 1911 г. (была также опубликована в т. 6 Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова в 1952 г.)³².

В записке в Канцелярию Академии наук 16 октября 1763 г. Ломоносов отметил, что «геодезии студент Илья Аврамов... сочинил под моим смотрением две полярные карты к книге о северных путешествиях». Но при «Кратком описании» имеется только одна карта. О том, что при последнем действительно была одна карта, говорит сам Ломоносов в «Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова» 1764 г.: «О возможности мореплавания Северным океаном в Ост-Индию и в Америку с полярною картою, на коей показаны все северные путешествия»³³ (эта

циркумполярная карта отражает уровень знаний того времени о Северной Америке. На ней показаны, кроме крупных открытий Г. Гудзона, У. Баффина и др., еще и пресловутые «открытия» де Фонте, а также начерчен «чаятельный берег Северной Америки», т.е. предполагаемый, т.к. о нем абсолютно ничего не знали, начинающийся от Гренландии на востоке и кончающийся «мысом Северной Америки» на западе³⁴). Вместе с тем в репорте Канцелярии Академии Ильи Аврамова 18 апреля 1765 г. по вопросу, что им было сделано «под смотрением» покойного ученого, один из пунктов гласит: «Сочинил две полярныя карты к книге о северных путешествиях, кои поднесены его имп. высочеству (кроме оных еще особливо три сделаны)»³⁵.

Вторая полярная карта долгое время считалась утраченной³⁶. Однако в 1976 г. историк географии Б.П. Полевой установил, что карта («копия») «Северное побережье Северной Америки и Чукотский нос», хранящаяся в Библиотеке Академии наук и выполненная в виде половины круга, т.е. в виде семициркумполярной карты, есть «не что иное, как ранний вариант давно уже разыскиваемой второй полярной карты М.В. Ломоносова (курсив автора. – В.Ф.)», точно соответствующая описанию», данную им в апреле 1764 г. в «Прибавлении втором» к «Краткому описанию» («Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина»). К этому же времени Полевой отнес и создание второй полярной карты (по его мнению, Ломоносов 16 октября 1763 г., ведя речь о двух полярных картах, «имел в виду первую циркумполярную карту и дополнительно сделанную ее копию»), которая наглядно показывает, насколько серьезно изменились географические представления Ломоносова «о северной части Тихого океана и Северной Америки к весне 1764 г.». В связи с чем на новой карте он «резко изменил изображение Северной Америки, в частности убрал многие детали, связанные с фантастическим плаванием мореплавателя Де-Фонте («Бернардово озеро», «оз. Де-Фонте» и др.)»³⁷.

По получении «Краткого описания» Комиссия российских флотов и адмиралтейского правления вызвала из Архангельска четырех «промышленников», посещавших Шпицберген и Новую Землю (и дополнительно «из флота всех матросов, которые бывали в тех же странах»). 5 марта 1764 г. показания «промышленников» – Амоса Корнилова, Федора Рогачева, Павла Мясникова, Василия Серкова – были, в присутствии Ломоносова, заслушаны на Комиссии³⁸. В ходе чего выяснилась весьма большая

проблематичность первого варианта маршрута экспедиции, предложенного Ломоносовым: «что самый лучший проход упователен мимо восточно-северного конца Новой Земли к Чукотскому носу, сперва пустясь в норд-ост, потом склоняясь к осту и зюду-осту, как следует держась дуги величайшего на сфере земной круга». По причине чего окончательный выбор склонился в пользу второго варианта высокоширотного маршрута, также разработанного академиком и также читаемого в § 83 «Краткого описания»: «что возможен проход между Гренландиею и Шпицбергенем, в некотором отдалении от берегов Северной Америки для меньшего множества льдов, как выше означено, который путь хотя и отдаленнее, однако тем кажется быть способнее, ежели, как чаятельно, тамошний океан, обращаясь около полюса, способен будет течением в пути к Чукотскому носу»³⁹ (т.е. путь к восточной оконечности России через Западное полушарие).

В связи с чем Ломоносов написал (в период между 5 и 12 марта) «Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану», в котором обосновал маршрут плавания вдоль побережья Северной Америки новыми данными, при этом указав на необходимость предварительной организации в «Клокбайской пристани» на Шпицбергене зимовья и магазина (а экспедицию начать «следующим порядком приближающегося лета»). После чего подчеркнул, как «экспедиция до желаемых камчатских берегов достигнет, то должно послать немедленно куриера для уведомления в Санкт-Петербург, после чего могут быть приняты надлежащие меры для безопасного расположения зимовьев, островов и ходу и для утверждения могущества российского на востоке». Вместе с тем ученый отметил необходимость скрытной подготовки «от иностранных сего походу»⁴⁰.

Очень скоро события приобрели новый импульс. В начале апреля 1764 г. в Петербург была доставлена реляция от 11 февраля 1764 г. сибирского губернатора Д.И. Чичерина об открытии купеческой компанией островов Алеутской гряды Уналашка и Умнак. К реляции были приложены карта островов и копия репорта в Большерецкую канцелярию их первооткрывателей в 1759 г. казака С.Т. Пономарева, переводчика С.Г. Глотова и «работника» П.Шишкина (как выяснилось позднее, отмечает Б.П. Полевой, названные отважные мореходы собрали важные сведения также и «о некоторых районах северо-западного побережья Северной Америки»). В столицу также прибыли посланные Чичериным купцы «компанейщики» И.Снигирев и И.Буренин, организовавшие в 1758–1762 гг. успешное плавание на судне «Иулиан»

Глотова, Пономарева и Шишкина. Ознакомившись с репортом, картой и расспросив «компанейщиков», Ломоносов пишет 24 апреля «Прибавление второе», используя новую информацию о северных берегах Северной Америки для доказательства «доброта успеха полезного оного предприятия, которое коль выгодно России будет...», т.е. успеха подготавливаемой им экспедиции, при этом опять же подчеркнув ее «безопасность от соседей». К данному «Прибавлению» Ломоносов составил новую, более подробную карту, обнаруженную Б.П.Полевым, где были нанесены новооткрытые острова, мимо которых пролегал маршрут экспедиции⁴¹.

В мае 1764 г. правительство приступило к реализации проекта Ломоносова. 14 мая Екатерина II секретным указом предписывала Адмиралтейской коллегии организовать поиск прохода Северным Ледовитым океаном в Камчатку, «по северо-западному проходу», т.е. по маршруту, разработанному в первом «Прибавлении»: Архангельск–Шпицберген–Гренландия–северо-западный мыс Северной Америки–о. Умнак–Камчатка (указ гласил: «Все сие предприятие содержать тайно и пока сего нашего указу до времени не объявлять и нашему Сенату»). Этот секретный указ сопровождался, согласно совету Ломоносова в том же «Прибавлении», «для прикрытия от иностранных сего походу», одновременным указом Адмиралтейской коллегии 14 мая 1764 г. о возобновлении на Шпицбергене китового промысла, с ассигнованием на это, как было подсчитано Ломоносовым, 20 000 рублей из сумм Адмиралтейской коллегии («Повелеваем возобновить на Шпицбергене прежде бывший китовой промысел, а на сие определяем сумму денег до двадцати тысяч рублей... реченную сумму денег употребить из адмиралтейской суммы за счет оной Коллегии и наряжать людей и суда и все к тому надобное»). Экспедиция, таким образом, официально считалась китобойной экспедицией, направляемой на Шпицберген (но скрыть подготовку секретной экспедиции от иностранных правительств все же не удалось).

25 июня 1764 г. Адмиралтейская коллегия назначила в экспедицию трех офицеров: капитана первого ранга В.Я.Чичагова (главным командиром), капитана второго ранга Н.Д.Панова и капитан-лейтенанта В.М.Бабаева (все они, а также прикрепленные к ним лейтенанты П.А.Борноволоков, Ф. Озеров и П.М. Поярков, по указу Екатерины II были произведены в следующий чин; Чичагов – будущий герой русско-шведской войны 1788–1790 гг. – получил чин капитана бригадирского ранга)⁴². В начале августа 1764 г. несколько судов с провиантом и строитель-

ными материалами прибыли на Шпицберген, и на южном берегу Клокбайской губы было построено зимовье из пяти изб, бани и амбара, на котором осталось 16 человек. В целом же, по оценке П.П. Пекарского, для экспедиции «теплой одежды и съестных припасов было приобретено в изобилии; сверх обыкновенной дачи отпущены были разные противоцинготные припасы; даже был заказан «сушеной суп со специями и без специй» и т.д.»⁴³.

Все последние месяцы своей жизни Ломоносов продолжал беспокоиться о благополучном исходе экспедиции. Так, 22 октября 1764 г. он в письме И.Г. Чернышеву делился мыслью, что «весьма бы полезно было достать из промышленников, бывших на Умнаке, хотя одного человека для лучшего сведения как о сем, так и о прочем, кои, может быть, найдутся в Иркутске, Якутске или в Охотске». Значительное внимание он также уделял снаряжению экспедиции, усилению ее состава поморскими «промышленниками» в качестве кормщиков как «способнейших к северному мореплаванию» и обучению моряков астрономическим наблюдениям (так, в заседании Адмиралтейской коллегии 25 июня 1764 г. Ломоносов предложил «инструментам реестр: какие иметь надлежит на судах, для такой экспедиции приуготавлиющихся»). По его настоянию для экспедиции специально были изготовлены три «ночезрительные трубы», представленные им в Адмиралтейскую коллегию 18 февраля 1765 г. и названные «суморочными». Как академик информировал 26 октября 1764 г. графа Чернышева, что «имею честь прислать одну трубу, сделанную для экспедиции, коих следует еще две, да в деле еще три особливые для сумрачного времени, кои через месяц поспеют»). В июне 1764 – марте 1765 гг. Ломоносов написал, согласно одному из пунктов секретного указа Екатерины II 14 мая 1764 г., «Примерную инструкцию морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на Восток северным Сибирским океаном» (о том, чтобы «дать главному командиру обстоятельную инструкцию», в которой «предписать должно: 1) способы к открытию пути, 2) предосторожности, 3) посторонние пользы, 4) ободрение и содержание людей в повиновении», он говорил в «Кратком описании»)⁴⁴.

Но Ломоносову не суждено было дожить до начала экспедиции, над осуществлением которой он трудился много лет, выполняя при этом массу других задач. Великий сын России умер 4 апреля 1765 г. А 9 мая, т.е. спустя чуть больше месяца после его кончины, В.Я. Чичагов вышел в плавание из Архангельска на трех кораблях, спущенных с

местных верфей и названных именами командующих офицеров – «Чичагов», «Панов» и «Бабаев». В связи со сложностью пути, который пролегал в сплошных льдах, в августе того же года экспедиция вернулась обратно (мысль Ломоносова о безледном море в высоких широтах была основана на преуменьшенном подсчете им количества льдов в Северном Ледовитом океане и была подвергнута критике бывшим сибирским губернатором сенатором Ф.И.Соймоновым, специалистом в области гидрографии, картографии и географии, который, получив от Екатерины II «Краткое описание», писал ей, что «достигнуть до полюса совершенно невозможно за твердостоящими льдами, ибо промышленники наши, плавая по Ледовитому океану, встречали оные во всех местах; а в широте 72° находили на льдины, вышиною и толщиной более 40 сажен. Промышленники, отправлявшиеся с устья Индыгирки и Шалацкого носа, достигли до широты 80°, но и там находили льды еще крупнейшие, а посему и полагаю, что до полюса достигнуть невозможно, ибо льды должны быть там еще крупнее»).

Вторая попытка, предпринятая на следующий год, в силу все тех же непрерывных льдов закончилась безрезультатно (не удалось пробиться на север выше 80°30'). Но, несмотря на эти неудачи, был сделан первый и очень принципиально важный шаг в начале научного изучения и освоения Арктики. Как справедливо резюмировал в 1871 г. М.К.Сидоров, ссылаясь на авторитет известного тогда австрийского полярного путешественника Ю.Пайера, «только через 108 лет, г. Пайер, наткнувшись на указанный Ломоносовым путь, открыл миру, с каким глубоким знанием Ледовитого океана составлен был ломоносовский проект»⁴⁵. О глубине знания и понимания Ломоносовым Северного Ледовитого океана говорит и тот факт, что в 1873 г. экспедиция Ю. Пайера и К. Вейпрехта открыла, как это и было предсказано нашим выдающимся соотечественником («весьма вероятно, что самая полярная часть света наполнена многими островами и занята архипелагом, за которым лежат полуночные берега Северной Америки»), архипелаг, названный ими Землей Франца-Иосифа. А в результате работ «советских ученых был обнаружен и исследован подводный хребет, поднимающийся со дна океана на 2.5-3 км примерно на том месте, где указывал Ломоносов. В 1948 г. этот хребет был по праву назван именем М.В. Ломоносова»⁴⁶.

В отношении приоритетов Ломоносова, связанных с изучением Арктики, надлежит добавить, что в «Кратком описании» Ломоносов, говоря о

происхождении льдов, развивает идеи, высказанные им в 1760 г. в «Рассуждении о происхождении ледяных гор в северных морях». И, как подчеркивают Г.Е. Павлова и А.С. Федоров, Ломоносов «впервые дал генетическую классификацию полярных льдов, верно объяснил происхождение плавающих ледяных гор (падунов, или айсбергов) из глетчеров, спускающихся в море, рассмотрел главные вопросы изучения циркуляции вод океана в связи с движением льдов, привел данные о приливах в российских северных морях... попытался подсчитать массу льда в различных частях тогда еще совершенно неизведанного северного полярного бассейна. Классификация и характеристика типов полярных льдов, данная Ломоносовым, не потеряла научного значения до сих пор. Важно, что ученый показал динамику льдов, от чего зависела разработка вопросов арктического мореплавания... Ломоносов явился автором теории большого ледяного дрейфа, научно доказанной в XIX–XX вв.»⁴⁷.

Исследования последних лет, указывал в 1946 г. А.И.Андреев, подтвердили, «что льды в Северном Ледовитом океане действительно, как установил Ломоносов, двигаются с востока на запад»⁴⁸. Причем он верно отметил, констатирует сегодня Н.М. Бызова, «что динамика движения льдов определяется течениями моря и ветрами. Ветрами перемещаются главным образом ледяные поля, а течениями – ледяные горы», а, «вспоминая приливы и отливы в Белом и Баренцевом морях, Ломоносов, на примере течений около острова Моржовец в горле Белого моря, дал динамическое объяснение интерференции приливных волн...»⁴⁹. Если же учитывать, что Ломоносов, покинув Север в декабре 1730 г., больше никогда на нем не бывал, то становится понятной не только необыкновенная наблюдательность и память юноши, но и глубина его размышлений той же поры над явлениями, которые тогда и для ученых людей оставались загадками.

По совершенно справедливым словам С.И. Шубина, правомерно именующего Ломоносова⁵⁰ «пионером североведения», в XXв. «освоение Арктики шло, по сути, в русле рекомендаций М.В. Ломоносова». Следует надеяться, что позиции в освоении этого богатейшего и стратегически важного района мира, серьезно утраченные в последние два десятилетия, наша страна начнет возвращать. Несмотря на активное противодействие тому со стороны многих стран, как приполярных, так и далеко находящихся от Арктики, прекрасно понимающих, чем будет»

- 1 Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 135.
- ² Т.е. мысленно.
- ³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. М., Л., 1959. С. 205, 502, 598; Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 801-803.
- ⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. М., Л., 1952. С. 607, примеч. 3.
- ⁵ Ефимов А.В. Указ. соч. С. 217, 248-252.
- ⁶ Ефимов А.В. Указ. соч. С. 253-255; Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историко-географии. М., 2010. С. 308-311.
- ⁷ Миллер Г.Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 648-662; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. I. С. 407-408.
- ⁸ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 593, примеч. 9, 603.
- ⁹ Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М., Л., 1961. С. 236, 238, 260.
- ¹⁰ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М., Л., 1957. С. 391.
- ¹¹ Там же. С. 390.
- ¹² Там же. С. 392.
- ¹³ То же. Т. 6. С. 603; то же. Т. 10. С. 785, примеч. 30.
- ¹⁴ То же. Т. 4. М., Л., 1955. С. 111-119, 729-740.
- ¹⁵ Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. С. 260.
- ¹⁶ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 393, 399, 785, примеч. 43 и 44.
- ¹⁷ Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. С. 272.
- ¹⁸ Там же. С. 293.
- ¹⁹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 123-319, 741-744, 747, примеч. 11-15, 755, примеч. 86, 758, примеч. 98; то же. Т. 10. С. 398.
- ²⁰ Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. С. 320.
- ²¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 3. М., Л., 1952. С. 447-459.
- ²² То же. Т. 6. С. 604; Горюхин Р.Б. Ломоносов в немецкой литературе XVIII в. // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. IX. СПб., 1991. С. 128.
- ²³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 363, 593, примеч. 9; Ефимов А.В. Указ. соч. С. 216-217, 240.
- ²⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 9. М., Л., 1955. С. 203, 725.
- ²⁵ То же. Т. 8. С. 703.
- ²⁶ Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. С. 375.
- ²⁷ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 442; то же. Т. 6. С. 604.
- ²⁸ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 19-126; Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 419-498, 605. Подробнее о названных экспедициях см.: Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. 2. М., 1983. С. 62, 65, 217-221, 291-294, 321-333; то же. Т. 3. М., 1984. С. 200-201.
- ²⁹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 301, 769; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. I. С. 801-805.
- ³⁰ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 606; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. I. С. 805; Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. Из истории географической науки и географических открытий. М., Л., 1949. С. 240-241.
- ³¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 569-570.
- ³² То же. Т. 6. С. 602.
- ³³ То же. Т. 9. С. 301; то же. Т. 10. С. 398.
- ³⁴ То же. Т. 6. С. 605-606.
- ³⁵ Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 744.
- ³⁶ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 606.
- ³⁷ Полевой Б.П. О раннем варианте второй полярной карты М.В. Ломоносова // Известия АН СССР. Серия географическая. 1977. № 2. С. 122-134.
- ³⁸ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 615-616; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. II. СПб., 1873. С. 805; Перевалов В.А. Указ. соч. С. 243-247.
- ³⁹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 483.
- ⁴⁰ Там же. С. 499-506.
- ⁴¹ Перевалов В.А. Указ. соч. С. 282; Полевой Б.П. Указ. соч. С. 124.
- ⁴² Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 611, примеч. 25, 615, примеч. 38, 617, примеч. 5; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. II. С. 806; Перевалов В.А. Указ. соч. С. 306-308, 469-470, 474-476; Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. С. 415; Соколова Н.В. Краткий обзор английской литературы XVIII-XIX вв. о М.В. Ломоносове // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. VII. Л., 1977. С. 164.
- ⁴³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 617, примеч. 6; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. II. С. 806.
- ⁴⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 611-612, примеч. 26 и 27, 619-625; то же. Т. 10. С. 591-592; Перевалов В.А. Указ. соч. С. 487; Ченакал В.А. Зрительные трубы Ломоносова для экспедиции Чичагова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. III. М., Л., 1951. С. 326-332.
- ⁴⁶ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 610, примеч. 22; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. II. С. 804-805, 809-810; Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765). М., 1986. С. 341.
- ⁴⁷ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 469; Павлова Г.Е., Федоров А.С. Указ. соч. С. 337.
- ⁴⁸ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 454-459; то же. Т. 6. С. 463-466; Павлова Г.Е., Федоров А.С. Указ. соч. С. 336-337.
- ⁴⁹ Андреев А.И. Труды Ломоносова по географии России // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. II. М., Л., 1946. С. 141.
- ⁵⁰ Бызова Н.М. Географ широкого профиля // Михаил Ломоносов: ученый-энциклопедист, поэт, художник, радетель просвещения. М., 2011. С. 239.
- ⁵¹ Шубин С.И. Первый геополитик России // Михаил Ломоносов: ученый-энциклопедист, поэт, художник, радетель просвещения. С. 258, 261